

Печать Каина

(«Рубцов не был убит?», «РС», 8 - 14 сентября, № 59)

Нам известно из Священной истории, что после убийства родного брата Авеля Каин получил от Бога знак, по которому люди могли узнать, опознать его. Так скитался Каин по всей земле, и кончина его покрыта мраком. Люди сторонились его, избегали общения с ним, потому что ужасен грех убийства. Но всемерно ужаснее убийство своего родственника - отца, матери, брата, сестры.

Удивительные люди - поэты, у них много родственников, которых они не знают. Живет поэт в захолустном городке, а знают его по всей стране, и у него необъятная семья родственников, людей, многих из которых он никогда не увидит, но которые следят за каждым его вдохновенным словом, любят его, восхищаются им, а после кончины оплакивают как родного человека. Кто убивает поэта (пусть даже непреднамеренно), убивает родственника, духовного собеседника, утешителя тысяч людей, а ежели это поэт национального масштаба, отразивший в своих стихах душу народа, убийцу его воспринимают как убийцу частицы народной души.

Такому человеку не позавидуешь. Уж на что был порочен Дантес, но и он сожалел о содеянном, а Мартынов, тот всю жизнь носил в сердце осознание греха, в годовщину смерти Лермонтова неотступно заказывал

панихиды и молился о спасении его души.

В январе 1970 года в Вологде произошла трагедия, которая всколыхнула сперва небольшой круг людей как в Вологде, так и в Москве, в Ленинграде, где знали и ценили творчество поэта.

Не погрешу против правды, что имя Н. Рубцова в ту пору было известно весьма узкому кругу ценителей русской поэзии (тогда гремели Рождественский, Вознесенский, Евтушенко и иже с ними), слава его как поэта национального выросла гораздо позднее. В. Астафьев был более известен, но и к нему обширная всесоюзная и европейская известность пришла годы спустя. Поэтому рассказки о том, что, расследуя убийство Н. Рубцова, власти пытались кого-то выгородить, кого-то затушевать и увести в тень, абсолютно беспочвенны и лживы.

Женщина, судьба которой роковым образом оказалась связана с судьбой Рубцова, конечно, уже и тогда понимала, что совершила, но, видимо, только теперь осознает, что в памяти и современников поэта, и потомков она обречена остаться убийцей поэта. И поскольку все мы смертны, ей тягостна мысль, что, проходя мимо ее надгробного памятника, люди будут говорить: «А, так это та, которая Рубцова убила». По-человечески ее можно понять: слава Дантеса и Мартынова - не завидная слава. И, вообще, годы идут, а ведь еще кто-то из великих заметил, что воспоминания о пролитой крови - не самая лучшая поддержка в старости.

Поэтому не случайно, что именно

в последнее время она развила такую бурную деятельность по самореабилитации, ездит с выступлениями, на которых чернит память поэта. Ибо для того чтобы выгородить себя, другого надо затоптать. Но путь этот безнадежен и пагубен. Конечно, враги, ненавистники русской культуры, которым нет ни числа, ни переводу, с радостью воспринимают разные сплетни и слухи, и чем они грязнее и гнуснее, тем они для них сладостнее. С ними спорить бесполезно да и не нужно. Бесполезно же спорить с изменником Резуном о том, кто первым начал войну. Если совесть спит, любые доводы разума бессильны, если нет в душе любви к Родине - впустую говорить о чести и порядочности.

Решения суда никто не отменял и не отменит, потому что доказательства убийства налицо, есть акт осмотра тела, свидетельствующий о насильственной смерти.

Итак, Каинова печать жжет, от нее никуда не спрятаться, ее ничем, казалось бы, не смыть, не стереть. Вспоминаю слова А. Пушкина: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Есть один путь избавиться от позорного клейма. Путь не оправдания людской молвой, а путь оправдания своей совестью, тем более что наказание человеческое в виде лишения свободы уже позади. Надо покаяться, молиться о душе погибшего поэта, а не бежать в залы и редакции газет. Совершив преступление телесное, сейчас она совершает преступление духовное, порочит память поэта, тем более что сам он за себя заступиться не может, а на мертвого можно свалить что угодно.